

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК

И. Ф. ГИНДИН

28 февраля — 3 марта 1967 г. состоялась Всесоюзная научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России¹. Сессия стала крупным событием в изучении истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок.

Февральская буржуазно-демократическая революция, указывалось в докладе Д. М. Кукина, явилась выдающимся событием в жизни народов России и международном революционном движении. Она подтвердила правильность и жизненность стратегического курса и тактических лозунгов большевистской партии. Докладчик отметил, что проблематика Февральской революции, особенно в ее историко-партийном аспекте, вплоть до последнего времени разрабатывалась слабо. Исследование ее необходимо для правильного понимания условий победы Великой Октябрьской социалистической революции. Наши идейные противники, буржуазные и реформистские историки и социологи противопоставляют, как правило, Октябрьскую революцию Февральской, которая, по существу, являлась лишь прологом к Великому Октябрю, этапом на пути к революционному преобразованию России, осуществленному под руководством Коммунистической партии.

Докладчик отметил необходимость глубокой и всесторонней разработки проблемы соотношения стихийности и организованности в Февральской революции. Ни одна революция, тем более революция, в которой участвуют миллионные массы мелкой буржуазии, не может совершиться без проявления стихийности. Но проблема гораздо сложнее, чем это представляется как сторонникам «чистой» стихийности, так и историкам, отрицающим вообще стихийность в Февральской революции. Д. М. Кукин отметил тот вклад, который внесен в освещение проблемы недавно изданным вторым томом «Истории КПСС».

Февральская революция отличается целым рядом своеобразных черт и форм революционного переворота, но в основе ее лежали общие закономерности демократической революции в период империализма, раскрытые В. И. Лениным еще в 1905 г. Гегемоном Февральской революции был рабочий класс, который шел во главе общедемократического движения против войны и царизма.

Большое внимание в докладе было уделено раскрытию роли большевистской партии и ее местных организаций в революционных событиях. В победе народа в февральские дни нашла свое выражение многолетняя работа большевистской партии по воспитанию и организации масс.

В ходе революционной борьбы рабочий класс создал Советы рабочих и солдатских депутатов. В том, что мелкобуржуазная стихия позволила меньшевикам и эсерам стать во главе Петроградского Совета, историки-марксисты должны видеть объективную основу — недостаточную организованность рабочего класса.

Сообщения и выступления в секции истории КПСС (руководитель Л. А. Слепов) восполнили ряд пробелов в освещении Февральской революции в историко-партийном аспекте. Деятельности центральных органов партии были посвящены сообщения И. А. Алуфа и Я. Г. Темкина (Москва) и выступление И. С. Сазонова (Ленинград). Как показал И. А. Алуф, в отличие от меньшевиков и эсеров, большевики в конце 1916 — начале 1917 г. восстановили свою организацию во всероссийском

¹ В работе сессии участвовало свыше 200 представителей научных центров страны. На пленарном заседании были заслушаны доклады зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС, чл.-корр. АН СССР Д. М. Кукина «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года», акад. И. И. Минца «Историческое значение Февральской революции», докторов исторических наук П. В. Волобуева «Характер и особенности Февральской революции», А. М. Анфимова и И. Ф. Гиндина «Социально-экономические предпосылки буржуазно-демократической революции в России». Затем работа продолжалась в 5 секциях: 1) Социально-экономические предпосылки Февральской революции; 2) Февральская революция в Петрограде и на местах; 3) Классы и партии в Февральской революции; 4) Историография Февральской революции; 5) Большевики в Февральской революции. Было заслушано свыше 130 сообщений и выступлений. Итоги работы секций были подведены на заключительном пленарном заседании.

масштабе. Партия большевиков встретила Февральскую революцию как сильнейшая партия революционного подполья. Русское бюро ЦК и ПК РСДРП оказали серьезное воздействие на ход революционной борьбы в февральские дни, сумели внести в поток событий ту струю организованности и сознательности, которая привела к победе революции. Я. Г. Темкин на новых архивных источниках показал многосторонние связи В. И. Ленина с Русским бюро ЦК и партийными организациями России, несмотря на все трудности, созданные войной. Ряд сообщений и выступлений о крупнейших местных партийных организациях — Петербурга, Украины, Белоруссии, Латвии, Урала, Закавказья и др. — существенно расширил наши знания об их деятельности, которая показана под углом общепартийной борьбы в тесной органической связи с ходом революционного процесса. Особое внимание было уделено деятельности Петербургского комитета, которому во время вынужденных перерывов в деятельности Русского бюро ЦК приходилось выполнять роль всероссийского центра. Сообщение об этом И. П. Лейбберова (Ленинград) было дополнено выступлениями старых большевиков.

Особый интерес вызвали выступления, посвященные деятельности большевиков в армии и флоте, а также сообщения, посвященные вопросам стачечного движения, большевистской подпольной печати, возникновению рабочего контроля на этапе буржуазно-демократической революции².

В своем докладе академик И. И. Минц отметил, что Февральская революция явилась выдающимся историческим событием в жизни народов России, в международном революционном движении. Она увенчала победой многолетнюю упорную борьбу народов России, их передовых сил с царизмом, с помещиками-крепостниками. Лишь тогда, когда во главе освободительного движения встал пролетариат, появилась та общественная сила, которая вывела страну на путь свободы. Февральская революция подтвердила правильность стратегического курса и тактических лозунгов большевистской партии, разработанных ее гениальным руководителем В. И. Лениным. И хотя февральский переворот породил своеобразную политическую обстановку, он в общем вполне подтвердил ленинскую линию в революции, облек в плоть и кровь идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

К Октябрьской революции большевистская партия численно была во много раз больше, чем в канун Февраля. Но и в февральские дни большевистская партия представляла монолит, что позволило ей выполнить роль руководящей силы народных масс в революции. Февральская революция начала процесс перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Поэтому Февраль неотделим от Октября.

Необходимо выяснить движущие силы перерастания. Февральская революция наряду с буржуазной властью вызвала к жизни Советы и тем самым создала важнейшие общественно-политические предпосылки для социалистического переворота. Социально-экономические же предпосылки социалистической революции созрели ранее в процессе складывания монополий и перехода к госмонополистическому капитализму. Трудящиеся других стран встретили Февральскую революцию как начало открытой борьбы против гнета империализма, за окончание ненавистной войны. Русская революция привела в движение международную армию труда. 1917 год стал переломным в развитии борьбы масс в мировом масштабе.

Февральская революция, отметил в своем докладе П. В. Волобуев, сокрушила в несколько дней едва ли не самую старую военно-феодальную монархию. Революция вскрыла всю глубину и остроту великого национального кризиса, переживавшегося Россией и создала основные общественно-политические предпосылки для разрешения этого кризиса. Февраль послужил не только прологом, но и «залогом» Октября. И первая и вторая русские революции были запоздалыми буржуазно-демократическими революциями эпохи империализма. В 1907—1916 гг. противоречия в социально-политической жизни страны еще более обострились. Оказавшись не в состоянии осуществить

²⁻³ Более подробное изложение доклада Д. М. Кукина и работы секции истории КПСС см. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 5. См. также Д. М. Кукин. Партия большевиков и свержение царизма, «Правда», 12 марта 1967.

буржуазные реформы, царизм умножил число нерешенных проблем. Русская буржуазия стала еще более контрреволюционной, и при всей ее приспособляемости к существующим порядкам, с трудом уживалась с косностью и растущей реакционностью царизма, с его неспособностью провести минимальные буржуазные реформы. Первая мировая война оказала ускоряющее воздействие на общественно-политическое развитие страны, приблизила наступление новой буржуазно-демократической революции и ее перерастание в социалистическую. Накануне революции царизм находился в состоянии кризиса и прямого разложения и не шел на сделку с либеральной буржуазией.

Основными революционными силами, как и в 1905—1907 гг., были пролетариат и крестьянство, вынесшие из первой революции громадный революционный опыт, способные к массовым революционным действиям. Крупным резервом революции было национально-освободительное движение. Характерным для февральских событий являлась их скоротечность. Революционные традиции 1905 г. выразились в переходе широчайших рабочих масс от разрозненных стачек к всеобщей, от всеобщей стачки к вооруженному восстанию, к которому присоединились солдатские массы.

Увидев, что перевес сил склоняется на сторону революции, буржуазия стала по необходимости союзником рабочих и крестьян на заключительном этапе революции — 27 февраля — 2 марта. «27 февраля все классы оказались вместе против монархии»⁴. Так в ходе Февральской революции слились *«совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»*⁵. Благодаря пособничеству меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета буржуазия сумела вырвать власть из рук народа. Однако рабочие и солдаты не допустили сосредоточения всей власти в руках буржуазного Временного правительства. Советы, опиравшиеся на вооруженный народ, фактически обладали всеми атрибутами реальной власти. Так создалось двоевластие, которое характеризует своеобразие Февральской революции.

Крупнейшее значение имел вывод Ленина, что буржуазия не может решить гигантских задач, поставленных революцией⁶. Общедемократические задачи в эпоху империализма приобрели антикапиталистическую направленность — и в этом залог перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Февральская революция в целом подтвердила правильность большевистских идей и лозунгов на этапе буржуазно-демократической революции⁷.

«Второй шаг» к буржуазной монархии В. И. Ленин в наиболее обобщенном виде охарактеризовал как вынужденный переход самодержавия «окончательно на путь капиталистического развития», и одновременно, в декабре 1908 г., В. И. Ленин сделал вывод, что самодержавие «не может обеспечить условий капиталистического развития России»⁸. Этот необычайный по исторической прозорливости прогноз, как показано в докладе А. М. Анфимова и И. Ф. Гиндина, подтвердился в одно пятилетие.

Коренным вопросом революции по-прежнему оставался вопрос о земле. При утрате помещиками значительной части земли у них сохранился и к 1917 г. огромный земельный фонд и его полукрепостническая природа. Гнет латифундий не слабел, а усиливался. Почти две трети увеличившегося земельного фонда крестьян оставалось в общинном пользовании. Укрепление в личную собственность 22 млн. дес. (15%) не привело к созданию сколько-нибудь значительного слоя крепких хозяев, на который рассчитывало опереться самодержавие в борьбе против революции. Сохранился экономический и политический гнет царизма над крестьянскими массами. Разумеется, буржуазная ломка в деревне вела к дальнейшему развитию капитализма в сельском хозяйстве, рост мировых и внутренних хлебных цен также способствовал некоторому подъему производительных сил, в том числе и в крестьянском хозяйстве. Однако диалектическое своеобразие начавшейся буржуазной ломки в деревне состояло в том, что капиталистический процесс вел не к предотвращению, а к приближению крестьянской революции против полуфеодального аграрного строя.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 12.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 37, 446.

⁷ См. также П. Волобуев и И. Лейберов. Пролог Октября. «Коммунист», 1967, № 3, стр. 13—24.

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 325, 327.

Сила крепостничества в сочетании с воздействием мирового рынка, а затем и мирового капиталистического хозяйства влияла на сжатые исторические сроки становления и развития российского капитализма. Это вместе с тем вело к крайней неравномерности развития капитализма по экономическим районам и отраслям хозяйства. Развитие капитализма за счет докапиталистических укладов продолжалось до 1917 г., но многоукладность российской экономики оставалась непреодоленной. Крепостнические пережитки опосредствованно отражались на всем промышленном развитии и придавали ему (в сочетании с воздействием на него мирового капиталистического хозяйства) односторонний и крайне неравномерный характер. Все это подтверждает вывод, сделанный в 1912—1913 гг. В. И. Лениным: в России нет широкого, свободного, быстрого развития капитализма. Такое развитие и превращение нашей страны в высокоиндустриальную было невозможным без революции. В докладе показано влияние указанных особенностей развития капитализма России на ее социальную структуру, на особенности эксплуатируемых и эксплуататорских классов.

Уже перед войной определилось, что реформистская эволюция России по капиталистическому пути «не получалась». Назревала новая революционная ситуация, которая была прервана войной. Но война не сняла сложившихся ранее главных экономических и социальных противоречий, добавила к ним лишь новые страдания эксплуатируемых классов, усилила развал экономики. К главной исторической задаче буржуазно-демократической революции — вывести нашу страну из нищеты и отсталости — война добавила еще задачу демократического выхода из войны и хозяйственной разрухи. Экономические и социальные предпосылки буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую окончательно сблизились в условиях империалистической войны.

Основные проблемы истории Февральской революции, вокруг которых сосредоточилось обсуждение в секциях, это вопросы о стихийности и организованности в процессе революционного натиска и победы революции, о ее движущих силах и участниках, о двоевластии, о классах и партиях в революции. В аспекте историографическом они фигурировали и в работе четвертой секции. Отметим в данном случае лишь те сообщения, которые обсуждались только на одной секции.

В секции «Февральская революция в Петрограде и на местах» в сообщении И. П. Лейберова «Петроградский пролетариат в Февральской всеобщей политической стачке» было раскрыто своеобразное переплетение стихийности и организованности в ходе Февральской революции и даны интересные статистические выкладки с целью показать соотношение обоих элементов. Метод вызвал известное сомнение в возможности статистического исчисления указанного соотношения. В сообщении А. Я. Грунта (Москва) «Возникновение двоевластия в Москве» показано, что оно сложилось сразу после свержения самодержавия и своеобразным путем. Ставится также общий вопрос об отношении В. И. Ленина и большевиков к участию в местных буржуазных органах власти и не только в созданных после революции, но и в городских думах.

В ряде сообщений было показано соотношение партийных сил внутри Советов. Однако в целом вопрос о двоевластии на местах получил слабое освещение. Мало-разработанным оказался и вопрос о связи революции в центре и на местах. Ряд интересных соображений по этому вопросу высказал Э. Н. Бурджалов. Особо следует отметить сообщение о своеобразии Февральской революции в национальных районах, в особенности выступления М. А. Нугаевой и М. А. Игамбердиева (Самарканд) по Туркестану, Г. Д. Даниялова по Дагестану.

В секции «Классы и партии в Февральской революции» был представлен ряд интересных сообщений А. М. Андреева (Москва), Ю. С. Токарева, Х. М. Астрахана (Ленинград), В. И. Миллера, С. С. Хесина (Москва), А. П. Гриценко (Киев), Д. Х. Гусейнова (Баку), Н. Т. Ерохина (Ставрополь), И. А. Апиня, Я. Я. Каймина, О. М. Ниедра (Рига) и др.

Ю. С. Токарев проследил, как с помощью меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета буржуазия пришла к власти, когда и как буржуазия стала «участником» революции. Х. М. Астрахан показал, что преобладание в Совете эсеров и меньшевиков не устранило главного результата революции — превращения рабочих и солдат столицы в суверенную силу.

Анализируя особенности Февральской революции в армии В. И. Миллер показал

специфику возникновения солдатских комитетов на фронте, заключавшуюся в попытке высшего командования взять в свои руки или перехватить инициативу организации комитетов и поставить их под свой контроль. В сообщении был дан четкий и всесторонний анализ этого этапа существования комитетов и факторов, превративших вскоре комитеты в органы власти. Тот же процесс становления тщательно прослежен С. С. Хесиним на флоте, где большинство солдат и матросов в первое время было также захвачено соглашательскими настроениями.

На секции отмечалось, что узость тематики еще не преодолена. От признания необходимости изучения мелкобуржуазных партий все еще не перешли к их фактическому изучению. Л. М. Шалагинова (Москва) отметила, что это ведет если не к ошибкам, то к неточностям. Партия эсеров еще до Февраля была неоднородной. К 1917 г. 37 организаций выступали против войны. Эсеры-интернационалисты вступили в блок с большевиками, отрывали рабочих от правых эсеров. Латвийские историки выступали по вопросу о роли национального движения в революции. Разработка этого вопроса во всех национальных районах страны еще впереди. Необходимо изучить и буржуазно-националистическое движение. Указывалось и на слабое изучение крестьянского движения и крестьянских Советов. Нельзя не отметить сообщения П. Ф. Решодько (Харьков) об антицерковных крестьянских выступлениях.

Вопрос о стихийности и организованности в Февральской революции, как показал в своем выступлении О. Н. Знаменский (Ленинград), возник еще у историков 20-х годов. Тогда сложилось представление, что при наличии обоих элементов все же преобладала стихийность, вследствие численного перевеса в России мелкой буржуазии и исключительно широкого размаха народного движения. Затем возобладала тенденция изобразить Февральскую революцию как от начала до конца организованное действие. В результате более тщательного изучения ленинского наследия эта догматическая позиция с середины 50-х годов стала преодолеваться. И. П. Лейберов, Е. Д. Черменский и др. достигли определенных успехов в поисках научного решения вопроса о соотношении стихийности и организованности.

Трудность решения проблемы соотношения стихийности и организованности усугубляется, сказал П. В. Волобуев, недиалектическим подходом к теме и упором лишь на одну из сторон. В то время как: 1) революции с точки зрения социально-экономического развития — результат этого стихийно-объективного процесса; 2) революции политически готовятся передовыми революционными партиями; 3) на революцию вполне сознательно, руководствуясь идейными побуждениями, идет лишь небольшая, передовая часть пролетариата, его авангард. Поэтому она играет руководящую роль. Основная масса пролетариата, не говоря о других трудящихся, в решающий момент и в решающем месте становится на путь революции, подталкиваемая всей обстановкой жизни. По сравнению с первой русской революцией Февральская характеризуется громадным прогрессом сознательности.

Х. М. Астрахан рассмотрел вопрос о причинах преобладания мелкобуржуазных партий в Петроградском Совете. Он показал, что среди массы рабочих были широко распространены мелкобуржуазные взгляды на политику. Первые выборы в Совет 28 февраля и 1 марта проводились не по партийному, а по персональному признаку, в итоге среди депутатов было много меньшевиков и еще больше беспартийных рабочих. Меньшевистско-эсеровский блок сумел убедить беспартийных депутатов в возможности соглашения с буржуазией. Выводы Астрахана подтверждаются и данными сообщения А. Я. Грунта. В первом составе Московского Совета также преобладали представители соглашательских партий и шедшие за ними беспартийные рабочие, избранные в большинстве на крупнейших предприятиях Москвы.

В выступлении А. П. Гриценко (Киев) также указывалось, что в мартовских событиях на Украине преобладала стихийная деятельность масс, так как большевики тогда еще не стали во главе движения, но огромное значение в подъеме революционной борьбы сыграла предшествующая деятельность большевиков. В Киеве под давлением снизу происходила большевизация Советов, профсоюзов, фабзавкомов, а в сентябре даже соглашательские Советы принимали большевистские резолюции. Гриценко критиковала авторов, которые без достаточных оснований утверждают, что на Украине было создано сразу же большое количество большевистских советов.

С. С. Алиоров (Баку) выступил в поддержку Астрахана, высказав соображение,

что рабочие, сохранившие связь с землей, и рабочая аристократия были теми каналами, через которые мелкобуржуазная стихия захлестывала рабочий класс. Ю. Н. Нетесин (Рига) обратил внимание на то, что в условиях самого воспроизводства промышленного капитала заложен главный источник и действительные тенденции мелкобуржуазных иллюзий. В своей массе гегемон буржуазно-демократической революции не мог после ее победы не попытаться улучшить свое положение на почве чистокapиталистической системы угнетения путем «свободной от политического гнета царизма борьбы с капиталистами», но без прямой атаки на капитал. Потребовалась школа нескольких месяцев, прежде чем ход событий из пролетариата — гегемона буржуазно-демократической революции сделал пролетариат гегемоном революции социалистической.

Обсуждение показало, что имеется определенный, но все еще недостаточный сдвиг в изучении проблемы.

В складывании двоевластия на местах после победы Февральской революции существенное значение имели комитеты общественных организаций, возникавшие под разными наименованиями: комитеты общественного порядка, безопасности или спасения и т. д. До недавнего времени комитеты мало привлекали внимание исследователей и причислялись к местным буржуазным организациям. В действительности же эти комитеты не были однородными ни по задачам, ни по составу. В ряде мест они создавались городскими думами, буржуазными политическими партиями, а в других — в них принимали участие представители рабочих организаций и даже большевики. На это еще в 1957 г. обратил внимание Ф. С. Горовой (Пермь).

В своем выступлении на сессии он еще раз подчеркнул важность этого вопроса и показал, как идет изучение его на Урале. Несомненно, комитеты общественных организаций создавались на местах в результате творческого подъема, порожденного революцией, но значение их было разное: а) комитеты буржуазные, б) не имеющие лица и в) революционно-демократические. Комитеты разрушали монархический аппарат, органы старой власти. Все комитеты Пермской губернии выступали против Временного правительства. Даже там, где они по своему составу были буржуазными, они под давлением революционных масс проводили ту же линию, например, Екатеринбургский комитет. На заводах ведущая роль в комитетах принадлежала рабочим, большевикам. Таких комитетов на Урале было примерно две трети. Они являлись органами Советов и осуществляли революционно-демократическую диктатуру.

Иное положение сложилось в Москве, сказал в своем сообщении А. Я. Грунт. Комитет общественных организаций был создан членами городской Думы, ведущую роль в нем играли буржуазные деятели той же думы, земского и городского союза. Представители Совета рабочих депутатов, больничных касс и др. рабочих организаций были в меньшинстве и никакого реального влияния на деятельность комитета не оказывали. Своим участием они лишь поддерживали в массах представление, что комитет является «народным», тогда как в действительности он был органом буржуазной власти. Это, разумеется, вполне соответствовало линии меньшевистско-эсеровских руководителей Московского Совета. В комитет общественных организаций и в его исполком входили и большевики, что вряд ли можно признать правильным.

В. Г. Изгачев (Чита), Соловьева (Томск) в своих выступлениях подчеркивали, что комитеты в Сибири были органами буржуазной власти, а участие в них большевиков было ошибочным. Такая оценка позиции большевиков встретила аргументированное возражение со стороны С. А. Сидоренко (Челябинск).

В сообщении А. М. Андреева (Москва) «Советы депутатов и буржуазно-демократические органы после Февральской революции» утверждается, что комитеты создавались сверху, были цензовыми и бюрократическими и преследовали цель сохранить прежний госаппарат. Он считает ошибочной тактику некоторых большевистских организаций, первоначально участвовавших в комитетах (названы Москва, Самара, Саратов, Красноярск), что в отношении Красноярска оспаривал С. А. Сидоренко, Самары — А. И. Разгон. В прениях О. М. Ниедре (Рига) выступил против схемы Андреева. В Латвии процесс складывался иначе: наверху — комиссар Временного правительства, в средних звеньях — большевики, которые входили в комитеты, а в волостях — кулаки. Отмечая неточность в определении партийного состава Красноярского Совета, данным Андреевым, А. А. Мухин (Иркутск) считает, что комитеты

там не были органами власти, хотя и претендовали на то. По вопросу о местных комитетах высказались Ю. В. Фулин (Рязань), который подчеркнул реакционную роль рязанского комитета, Т. И. Беликов (Ставрополь), считающий, что эти организации создавались не только буржуазией; Г. С. Каден (Волгоград) и А. И. Разгон (Москва) отметили, что вопрос требует внимательного изучения расстановки классовых сил и социальной структуры комитетов на местах. Попытка отдельных историков, заметил П. Ф. Решодько, сделать широкое обобщение на основании местного материала, которым они располагают, не верна. Можно лишь принять как общий вывод то, что по мере усиления роли Советов падало значение комитетов. В противодействии этому смысл закона Временного правительства о введении волостных земств.

В обобщающем выступлении А. Я. Грунт признал: вопрос о комитетах не может иметь однозначного повсеместного решения и создание их «сверху надо понимать в расширительном смысле, не по директивам из Петрограда, а по инициативе местных буржуазных организаций, как это было в Москве. Комитеты, по его мнению, «в основном все-таки были буржуазными». Если же они и устраняли представителей царской власти, арестовывали полицейских и т. д., то делали это под давлением масс и не становились органами революционно-демократической диктатуры. Эти действия комитетов могут рассматриваться как прогрессивные весьма относительно.

Поставленный А. Я. Грунтом другой не менее важный вопрос об отношении В. И. Ленина и большевиков к участию в постоянных местных буржуазных органах, в городских думах не вызвал отклика.

В историографической секции представленные сообщения состояли из четырех групп: советская историография Февральской революции, включая ленинскую проблематику; буржуазная историография Февральской революции; международное значение Февральской революции; источниковедческие проблемы Февральской революции.

К первой группе относились сообщения И. М. Пушкаревой (Москва) об общем развитии советской историографии Февральской революции⁹, В. Л. Харитонова (Харьков) — об историографии Февральской революции на Украине, Э. И. Лаул (Таллин) — в Эстонии, А. К. Бирона (Рига) — в Латвии.

Обсуждение этой группы докладов привело к единодушному выводу о важном значении литературы 20-х годов по проблемам Февральской революции. В работах того времени, и прежде всего в крупных работах Э. Б. Генкиной, М. Н. Покровского, А. Г. Шляпникова, Я. А. Яковлева, были поставлены и разработаны такие вопросы, как роль рабочего класса и солдатских масс в Февральской революции, о соотношении стихийности и сознательности и др. Эта литература долгое время не учитывалась, и мы еще теперь выступаем нередко в качестве первооткрывателей по вопросам, тогда изучавшимся и получившим определенное решение, которое нельзя игнорировать. Это относится ко всей историографии истории СССР и другим разделам общественных наук, нужно тщательно и бережно изучать наследие, которое оставила марксистская мысль 20-х годов.

Участники обсуждения склоняются к позиции, что Февральскую революцию надо рассматривать как первый этап революционного процесса 1917 г., неразрывно связанный со всем последующим процессом развития революции от Февраля к Октябрю и ведущий к победе социалистической революции. Единый процесс был разорван в изложении «Краткого курса истории ВКП(б)», Февральская революция была присоединена к империалистической войне и изъята из неразрывного революционного процесса, что оказало огромное влияние на всю последующую литературу.

Об этапах развития историографии Прибалтики говорили Э. И. Лаул и А. К. Бирон. Буржуазно-националистическая историография сводила значение Февральской революции для Прибалтики к «национальному самоопределению», т. е. к созданию буржуазных государств Эстонии и Латвии. Со второй половины 40-х годов сложилась советская историография, успешно изучающая историю Февральской революции и последующей борьбы пролетариата за установление Советской власти.

Интересны были сообщения И. М. Романова (Якутск) о борьбе В. И. Ленина с буржуазной идеологией в России, А. Х. Бурганова (Казань) о направлении глав-

⁹ См. И. М. Пушкарева. «Историография Февральской революции в России». «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 3—21.

ного удара между первой и второй русской революцией. А. Х. Бурганов доказывал, что главный удар большевиков был направлен против либералов из-за опасения их идейного влияния на промежуточные мелкобуржуазные слои для достижения главной цели — свержения самодержавия. В ходе обсуждения А. Х. Бурганов уточнил свою позицию в вопросе о различии между направлением главного удара — против царизма и борьбой большевиков за руководство освободительным движением — против либеральной буржуазии. Такая позиция, по мнению Е. Н. Городецкого, гораздо ближе к истине.

Международный аспект Февральской революции был представлен сообщениями А. Е. Иоффе, Я. С. Драбкина (Москва); В. Т. Брюнина (Ленинград).

В сообщении «Отклики на Февральскую революцию в странах Антанты» А. Е. Иоффе указал на крайне слабую изученность международного значения Февральской революции и ограниченность документальных материалов (мемуары Бьюкенена, Палеолога, донесения послов). По ним можно судить только о реакции верхов. В настоящее время наши историки изучают влияние Февральской революции главным образом на Германию, Францию, Англию.

В выступлении Я. С. Драбкина был дан интересный сравнительный анализ ноябрьской революции 1918 г. в Германии и Февральской революции. Ряд сообщений был посвящен малоизвестным и почти неиспользуемым источникам по Февральской революции. В. А. Кондратьев, И. Н. Кунтиков, А. П. Погребинский (Москва), Н. А. Малеванов, С. Г. Сахарова (Ленинград) говорили о значимости изучения таких источников по Февральской революции как уставы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фонды ЦГВИА, дневник В. Б. Лопухина, фонды ЦГИА, донесения приставов о февральских днях в Петрограде.

В целом работа историографической секции прошла плодотворно, на высоком научном уровне.

Большое место в работе сессии заняла проблема социально-экономических предпосылок второй буржуазно-демократической революции. Особенность этой проблемы заключается в том, что она сливается с проблемой социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, которая по сути своей является историческим итогом всего предшествующего развития российского капитализма, сочетания общих закономерностей и национальных особенностей этого развития. Это определило качественно иной по хронологии и обилию сюжетов диапазон работы первой секции, тем более, что специальной научной сессии по данной проблеме не было уже 6 лет.

Напряженная двухдневная работа секции (свыше 30 представленных сообщений и 40 выступлений) показала, что за последние годы проявился новый подход к исследованию социально-экономической проблематики. Впервые на научной сессии был подвергнут коллективному обсуждению ряд новых вопросов. Среди них прежде всего надо выделить вопрос о многоукладности российской экономики, о роли мелкого и мелкокапиталистического производства в малоразвитых в промышленном отношении районах (а такие экономические районы количественно и территориально преобладали в России), о значительном росте после первой революции низового капитализма в условиях высокого уровня монополизации крупной промышленности и банков.

В сообщении В. В. Тимошенко (Минск) на примере Белоруссии было показано, что в 1913 г. в ее крупной промышленности преобладали отрасли, для которых характерны по их организационно-техническому уровню «средние» капиталистические предприятия, с числом рабочих не более 200—400 чел. Общее же количество рабочих крупной промышленности все еще значительно уступало числу рабочих, занятых в мелкой и мелкокапиталистической промышленности (ремесленной и «кустарной»), тем более уступало числу занятых лиц, включая работающих хозяйчиков. Аналогичные соотношения наблюдались в обрабатывающей промышленности Поволжья (за исключением Нижегородской губернии); в Вологодской и Олонецкой губерниях количество рабочих крупной промышленности в 2—3 раза уступало их числу, занятому в мелкой. В ряде индустриально малоразвитых экономических районов весьма значительную и даже первенствующую роль играла лесная промышленность.

Многоукладность российской экономики была результатом и показателем незавершенности буржуазно-демократических преобразований в России. В наступившую эпо-

ху империализма крупный капитал не только разрушал докапиталистические отношения, но в то же время и консервировал их, приобщаясь к самым грубым формам до-капиталистической и раннекапиталистической эксплуатации. Все это оказывало существенное влияние на формирование классов в этих районах, на состав рабочего класса, на экономическое преобладание торговой или (лесопромышленной) буржуазии над чисто промышленной.

В других выступлениях оспаривалось утверждение, что рост в период империализма мелкотоварного и мелкокапиталистического производства замедлился. Л. В. Ольхова (Свердловск) на основании собственных исследований указывала, что для обрабатывающей промышленности Урала был характерен значительный рост мелкой промышленности и числа занятых в ней рабочих, наблюдался рост мелкого производства и в горной промышленности. В связи с этим возник вопрос о критериях определения мелкой, средней, крупной промышленности: нельзя ли при неудовлетворительности и запутанности российской промышленной статистики придерживаться критериев, принятых еще во второй половине XIX в. в промышленных переписях США, Германии и др. странах (от одного до 5 занятых — мелкая, от 6 до 50 — средняя, свыше 50 — крупная промышленность). Следует иметь в виду неполную сравнимость западных и российских данных. В первых учитывались все занятые в производстве, т. е. и одиночки-ремесленники, работающие хозяйчики, все служащие¹⁰.

Отмечалось, что В. И. Ленин указал лишь уклады, характерные для переходного периода от капитализма к социализму, что неразработаны критерии для классификации укладов в досоветской экономике и отсутствует даже их четкое определение. В. В. Тимошенко наметила следующую приближенную классификацию укладов: монополистический капитализм (включая крупные промышленные и банковские монополии и государственно-монополистический капитализм); немонополизированный капиталистический сектор («частнохозяйственный капитализм» — в переходный период); полукрепостнические латифундии; мелкое товарное производство; патриархальное в значительной мере натуральное крестьянское хозяйство.

В выступлении Е. Ц. Вяткиной (Ленинград) подчеркивалось, что без выяснения особенности укладов экономики России накануне Февральской революции, в частности социально-экономического облика непосредственных производителей и собственников средств производства в различных формах хозяйства, трудно решить вопрос об участниках Февральской революции и движущих ее силах. При изучении характера отдельных укладов надо учитывать уровень техники, применяемую рабочую силу, источники капиталов, связи с рынком, формы и методы эксплуатации. Возражая против чрезмерного дробления укладов, Е. Ц. Вяткина относит всю промышленность вплоть до крупной и монополизированной к одному капиталистическому укладу.

Нам представляется «дробная» классификация укладов научно более плодотворной. Объединение всей промышленности от мелкой до высокомонополизированной в один капиталистический уклад стирает глубокие различия между немногими индустриально развитыми и промышленно отсталыми экономическими районами России, различия в социальной структуре двух основных типов экономических районов страны. Объединение всей промышленности в один капиталистический уклад поддерживает стойкую тенденцию у историков, занимающихся изучением капитализма в некоторых национальных республиках и в малоразвитых в промышленном отношении районах, «подтягивать» их промышленное развитие до общероссийского уровня, искусственно доводить его до наличия экономических предпосылок социалистической революции в пределах указанных республик и районов.

¹⁰ В. И. Ленин, как известно, относил к фабрично-заводской промышленности предприятия с числом рабочих более 16 чел. Впоследствии в отчетах фабричных инспекторов стали выделяться предприятия с числом до 20 рабочих и выше. Более четкое деление сохранилось лишь в статистике промыслового налога, где к мелкой промышленности могут быть отнесены лишь предприятия VIII разряда и к мелкокапиталистической — VI и VII разрядов (см. С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки, М., 1957, стр. 525). С другой стороны, на Западе в «средней» промышленности выделяются лишь предприятия с числом занятых от 6 до 10 чел. и от 11 до 50 чел.

В. И. Ленин рассматривает мелкотоварное производство как первую стадию развития капитализма в промышленности в том смысле, что оно является базой развития капиталистической мануфактуры, а затем и фабрики. Но это происходит в результате вторжения капиталистических отношений и з в н е, например, в лице скупщика. Однако расширительное толкование мелкотоварного производства привело к смешению его с капиталистическим в литературе, посвященной истории феодализма, к необоснованным выводам, что мелкая промышленность сама по себе вовлекала непосредственных производителей в капиталистическое производство и как бы сама по себе перерастала в капиталистическую промышленность. Наконец, вполне оправдано выделение высокомонополизированных отраслей промышленности и банков с государственно-монополистическим капитализмом в отдельный уклад¹¹. После завоевания власти пролетариатом и национализации промышленных и банковских монополий госмонополистические органы, госкапиталистические железные дороги и предприятия, монополизированная промышленность и крупные банки — все это вместе стало социалистическим укладом.

Сообщением М. А. Цейтлина (Ленинград) впервые на научной сессии историков был поставлен вопрос о значении лесной промышленности России. В этой отрасли использовался труд сотен тысяч, даже миллионов крестьян. В ряде районов страны лесная промышленность и лесопиление занимали ведущее место во всей местной экономике. Однако и в период капитализма лесная промышленность выпадала из промышленной статистики, и поэтому сведения о ней в литературе крайне ограничены. Нет специального исследования, которое бы охватывало развитие лесной промышленности хотя бы за отдельные периоды ее трехвековой истории до октября 1917 г.

Являясь обширной сферой самых грубых форм эксплуатации деревенского полупролетариата и разорявшегося крестьянства, лесная промышленность становилась и отраслью с некоторым развитием предпринимательства зажиточных крестьян. Лесное ведомство стремилось противодействовать монополизации лесозаготовок и лесопильных заводов в Архангельске. В противовес их союзу ведомство организовало сильную группу местных зажиточных крестьян и передавало им на льготных условиях заготовку древесины в казенных лесах.

Накануне войны лесопромышленники объединились в крупную предпринимательскую организацию «Всероссийский съезд представителей лесной торговли и промышленности». Последний занимался подготовкой ряда мер для широкого развития лесоэкспорта после окончания войны. По этой причине правительство стало поддерживать, вплоть до фактического в нем участия, типично синдикатское объединение лесопильных заводов «Северолес».

В огромной мелкобуржуазной стране сфера торговли отражала многоукладность российской экономики. Поэтому большой интерес вызвало сообщение Т. М. Китаниной (Ленинград), выдвинувшей вопрос о необходимости изучения важнейшей, но забытой в советской историографии отрасли российской торговли — хлебной, от заготовок хлеба до его реализации на внутреннем рынке или вывоза за границу. Изучение этой отрасли раскрыло бы обширную сферу торгово-ростовщической эксплуатации основных производителей хлеба — массы мелких крестьянских хозяйств.

До сих пор мы не изучили движение хлебных цен в период капитализма, не знаем ни местных цен, по которым крестьяне продавали свой хлеб, ни величины затрат на его транспортировку. Отсюда неизвестна и величина торговой прибыли, обогащавшей разные группы буржуазии, участвовавшие в хлебной торговле, и сверх того, заграничных покупателей хлеба. Об огромных размерах этой прибыли можно судить по истории Стахеевых. На базе миллионов, нажитых в хлебной торговле, фирма перешла к крупному промышленному предпринимательству, разрослась в многоотраслевой концерн, но и он продолжал расширять столь выгодную в России хлебную торговлю.

Россия была одним из крупнейших в мире экспортеров хлеба, но ведущее положение на мировом хлебном рынке принадлежало США. Там задача модернизации хлебной торговли — строительство обширной сети элеваторов — была давно решена на частнокапиталистической основе. В России разговоры об элеваторах тянулись десятилетиями, и в 1911 г. правительство вынуждено было взять на себя такую задачу,

¹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 318—319; т. 34, стр. 193, 307—308.

возложив ее выполнение на Государственный банк. И здесь обнаруживается далеко еще не вскрытое социально-экономическое своеобразие капиталистической России.

Осознавшая историками необходимость более глубокого изучения социальной структуры России получила слабое отражение в работе секции. В представленных сообщениях и в выступлениях явно не хватало постановки коренных вопросов о рабочем классе, о крестьянстве в масштабе всей страны.

Отчетливо отразилась и незначительность сдвигов в изучении обоих эксплуататорских классов — старого и нового. Ю. Б. Соловьев (Ленинград), по-видимому, единственный исследователь, занимающийся в настоящее время историей помещного дворянства с 90-х годов до 1917 г., выступил с интересным постановочным сообщением о взаимоотношении дворянства и самодержавия в эпоху империализма¹². Основной вывод Ю. Б. Соловьева говорит о том, что без изучения взаимосвязей самодержавия и дворянства в экономическом, социальном и политическом значении картина событий и процессов, приведших к краху царизма, во многом останется неполной. Для комплексного изучения недостаточно усилий единичных исследователей, нужны еще исследования на местных материалах в районах сосредоточения латифундий.

Слабо и односторонне ведется изучение крупной буржуазии. Можно указать лишь на законченное и коллективно обсуждавшееся, но еще не опубликованное исследование Я. С. Розенфельда (Ленинград) — «Формирование политических позиций крупного капитала России». Я. С. Розенфельд выдвинул плодотворное положение, что российская крупная буржуазия, не сумев политически оформиться в класс в рамках единой для нее политической партии, объединилась на почве отстаивания нужной крупной буржуазии государственной экономической политики. Формой этого объединения стала общероссийская предпринимательская организация «Совет съездов представителей промышленности и торговли». Основным способом отстаивания своих классовых интересов буржуазия избрала ходатайства перед правительством, а конечной целью — постепенное внедрение в этот аппарат прежде всего в министерства, определявшие экономическую политику правительства. Длительное время при этом подчеркивался «аполитичный» характер Совета съездов, в сущности отличавшегося лишь методами своих действий от думских либеральных партий, кадетов и октябристов, которые весьма неполно выражали интересы крупного капитала.

В своем сообщении на ту же тему, но хронологически относящемся к 1912—1916 гг., Я. С. Розенфельд отмечает, что в 1912—1913 гг. политическая оппозиционность крупного капитала возросла. Новым этапом в повышении политической активности крупной буржуазии и ее оппозиционности было образование в середине 1915 г. системы военно-промышленных комитетов. Через них распространялось влияние крупного капитала на более широкие слои провинциальной буржуазии. Общие цели возглавляемого кадетами прогрессивного блока, ЦВПК, Городского и Земского союзов, привели к сплочению всех групп буржуазии и оппозиционных помещиков, а вместе с тем впервые раздвинули влияние и социальную опору крупного капитала, что открыто выявилось лишь после Февральской революции.

Нельзя, однако, согласиться с Я. С. Розенфельдом, что возросшая в 1912—1914 гг. политическая оппозиционность крупного капитала, объединенного Советом съездов, была вызвана не общей политикой царского правительства, а «лишь отдельными проявлениями его противоречивой экономической политики». Даже лидеры Совета съездов были обеспокоены утерей всяких надежд на установление в России того элементарного буржуазного правопорядка, который необходим для функционирования капиталистического хозяйства. К тому же в выступлениях и требованиях Совета съездов к правительству выражались не одни только узкокорыстные интересы крупного капитала, но в определенных случаях и общеклассовые позиции (требование значительного и планомерного ж.-д. строительства и переоборудования действующих железных дорог, требование коренного пересмотра устарелого частного права и др.).

Таким образом, исследование развития русской буржуазии еще впереди. Продвинулось вперед лишь изучение буржуазных партий (см. ниже), но крайне мало внимания

¹² Ю. Б. Соловьев. Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX в. «Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX вв.)», Л., 1967, стр. 239—280.

привлекает изучение общедемократического движения в начале XX в. Наибольший интерес к нему и к одной из основ его — к мелкому капитализму проявили историки Урала В. В. Адамов, Л. В. Ольховая. Ею же представлено сообщение о кооперативном движении — теме, забытой в исторической литературе.

С сообщением о демократической интеллигенции между двумя революциями (1908—1917) выступила Г. И. Щетинича (Москва). Отметив, что в литературе нет еще четкого представления о демократической интеллигенции, она не согласилась с распространенными утверждениями, что мелкобуржуазная интеллигенция в обстановке наступившей реакции в большинстве своем подпала под влияние либеральной буржуазии. О состоянии и настроениях этой интеллигенции, находившейся под влиянием идей позднего народничества, можно судить на примере студенчества, — «самой отзывчивой части интеллигенции»¹³. Демократическое студенчество не пошло за буржуазными либералами. Массовое академическое движение 1908 г. в разгар реакции приобрело значение симптома, что «не только в студенчестве начинается реакция против реакции». Этот поворот, общий для всей России, вызывал неизбежно новое движение буржуазной демократии. Протесты демократического студенчества против смертных казней, массовых репрессий свидетельствовали об утрате иллюзий в отношении самодержавия. Демократическое студенчество отразило вместе с тем и колебания мелкой буржуазии. Коснулось его и поветрие религиозных исканий после революции. Мнение о преобладании «веховских» настроений в интеллигенции справедливо лишь для начального периода спада революционного движения. С новым революционным подъемом интерес к прошлому, к великим демократам Герцену, Чернышевскому, Добролюбову приобретает иной характер. Влечение к 60-м годам, «к героической своей эпохе», разделяемое журналами «Вестник знания», «Новая жизнь», было связано с приобщением к политической жизни новых слоев демократической интеллигенции. Спрос на демократическую литературу нового миллионного читателя свидетельствовал о появлении мелкобуржуазных масс, характерном для общего положения страны, чреватого новой революцией.

Отношение к культуре и ее деятелям создавало пропасть между самодержавием и широкими слоями интеллигенции. Правительство пыталось замолчать смерть Л. Толстого, которая вызвала впервые после революции уличные демонстрации студенчества. Культурная деятельность в народе становилась невозможной. Все достижения в этой области происходили вопреки и вразрез политике самодержавия. Без учета этого обстоятельства трудно понять позиции демократической интеллигенции не только в Февральской, но и в Октябрьской революции, когда масса демократической интеллигенции, хотя и не без колебаний, перешла на сторону Советской власти. После первой революции буржуазный контрреволюционный либерализм был так же неспособен возглавить демократическую интеллигенцию, как и повести за собой крестьянские массы. Именно наличие в России очень широкого слоя такой интеллигенции определяло стихийный демократизм многих выдающихся деятелей русской науки и культуры, хотя по материально-жизненному уровню они не отличались от буржуазной интеллигенции. В сообщении подчеркнута необходимость изучения тех противоречивых и сложных процессов, которые происходили между двумя революциями в демократической интеллигенции и в ее молодом поколении, и эта задача тесно связана с изучением истории культуры нашей страны и нуждается в разностороннем исследовании, в том числе и в разных районах страны.

Тематика монополистического капитализма была представлена лишь одним интересным сообщением Л. Е. Шепелева (Ленинград) «Фондовая биржа и акционерное учреждение в 1917 г.» и отчасти сообщением Т. М. Китаниной. В этой связи Ю. Н. Нетесин (Рига) выразил тревогу по поводу резкого и повсеместного снижения за последние годы фронта исследований по экономической истории СССР периода империализма. Характерная для предшествующих 10—12 лет увлеченность экономической тематикой исчезает у нового поколения историков, начиная со студенческой скамьи. Их отпугивает и трудоемкость предварительных разработок, в особенности статистического материала. Большое влияние оказало и распространившееся представ-

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 7, стр. 343.

ление сб узком и частном характере экономической тематики, якобы лишенной того общеисторического значения, которое имеет исследование классов, партий, политического строя. Это предубеждение, разделяемое могучими руководителями научных учреждений и издательств, может действительно привести к дальнейшему и непоправимому свертыванию исследований по экономической истории нашей страны.

О полной необоснованности сложившихся предубеждений свидетельствуют научные итоги немногих законченных исследований, относящихся к тематике монополий. В работах В. И. Бозыкина показано, что процессы монополизации тяжелой промышленности стали складываться с 80-х годов, вскоре после возникновения этих отраслей и завершения промышленного переворота в легкой промышленности. Это подкрепляет уже высказанный в литературе вывод общеисторического значения, что в России период капитализма «свободной конкуренции» был ничтожно краток.

Активно прошло обсуждение вопроса о кризисе верхов и, в частности, о «двух заговорах» накануне Февральской революции¹⁴. С наиболее разработанными и обстоятельными сообщениями выступали Ю. Д. Марголис, В. С. Дякин, В. Я. Лаврычев. Отметив, что ряд существенных аспектов предфевральского кризиса верхов до сих пор вызывает значительные разногласия среди историков, Ю. Д. Марголис правильно определил, что содержанием кризиса 1915—1916 гг. являлась «утрата существовавшей в прошлом способности царизма приспосабливаться к задачам буржуазного развития страны» и что это явственно обнаружилось еще до войны, в годы революционного подъема. Подробная характеристика объективных проявлений кризиса не вызвала существенных поправок. Это относится и к конечным выводам, что либеральная оппозиция до конца стремилась к компромиссу с царизмом и тем не менее объективно способствовала дискредитации власти и приближению революции. В. С. Дякин сосредоточил свое изложение на периодизации кризиса верхов и тактике буржуазии и царизма, особенно на последнем этапе кризиса (XI.1916 г.—II.1917 г.), когда полностью изолированный царизм уже не контролировал положения.

Наиболее острые споры вызвало понятие «верхов», которое включает лишь непосредственно правящий слой старого господствующего класса (царь, камарилья, бюрократия, прежде всего в виде официального правительства) или же и оба эксплуататорских класса — поместное дворянство и крупную буржуазию. Как показал ход дискуссии, большинство исследователей склоняются ко второй трактовке.

Другим спорным вопросом явилось понимание сущности «Прогрессивного блока». А. Я. Аврех отстаивал свою прежнюю позицию — создание «Прогрессивного блока» означало ликвидацию самих основ третьеиюньской системы (двух думских большинств). Эта позиция никем в секции не была поддержана. Ю. Д. Марголис и В. С. Дякин, Е. Д. Черменский показывали, почему создание «Прогрессивного блока» нельзя считать концом третьеиюньской системы. Анализ состава и программы блока свидетельствует о компромиссе между феодальными и буржуазными элементами той же системы с сохранением прежних противоречий.

В. Я. Лаврычев рассматривает подготовку дворцового переворота как реальный исторический факт «заговора» буржуазии против царизма, но только в качестве крайней меры. Зарождение идеи переворота у нескольких видных представителей буржуазии относится к октябрю 1916 г. Переворот мыслился по образцу 1801 г. Однако лидеры Думы были противниками заговора, а инициаторы не спешили с его осуществлением. Выступавшие Дякин, Марголис, Соловьев (Москва) опровергали предполо-

¹⁴ Были представлены сообщения: Ю. Д. Марголис (Ленинград). К вопросу о характере и формах проявления кризиса верхов накануне Февральской революции; В. С. Дякин (Ленинград). Буржуазия и царизм накануне Февральской революции (кризис верхов); С. А. Сомов (Москва). Буржуазия в Особом совещании по обороне накануне Февральской революции (к вопросу о кризисе верхов); В. Я. Лаврычев (Москва). Легенды, предположения и факты о подготовке дворцового переворота; Р. Ш. Ганелин (Ленинград). О некоторых вопросах истории Февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде (раздел о «двух заговорах»); Т. Д. Крупина (Москва). «Кризис верхов» накануне Февраля в его социально-экономическом аспекте (автор тезисов не прибыл). Кроме того, выступали А. Я. Аврех (Москва), Д. С. Бабичев (Ростов-на-Дону), Я. С. Розенфельд (Ленинград), М. Е. Соловьев (Москва), Е. Д. Черменский (Москва).

жения В. Я. Лаврычева, считая, что сторонниками дворцового переворота был едва ли не один А. И. Гучков и возможно еще Н. В. Некрасов. Марголис склонен считать слухи о перевороте тактическим средством запугивания царизма. Еще категоричнее высказался Е. Д. Черменский («далее болтовни дело не шло»).

В ходе обсуждения возник существенный вопрос: может ли кризис верхов рассматриваться в одном лишь аспекте — чисто политическом, не охватывает ли он и кризис всей проводимой верхами социально-экономической политики. Способность царизма приспосабливаться к задачам буржуазного развития с 60-х годов до 1905 г. в наибольшей степени, как отметил И. Ф. Гиндин, выражалась в экономической политике правительства. На ее почве возникали и крупные расхождения в верхах. Поскольку третьеиюньский блок имел реальную экономическую основу и столь же реальные экономические противоречия, экономическая политика правительства после 1905—1907 гг. должна была служить укреплению блока, а на самом деле она порождала внутри его острые расхождения. В этом смысле послереволюционная экономическая политика правительства потерпела провал уже в 1912—1913 гг.

В новых органах регулирования решались в 1915—1916 гг. вопросы социально-экономической политики на основе того же сотрудничества трех сторон — правительства, представителей буржуазии и помещиков, что и в Думе, и с такими же острыми расхождениями, как показал в своем сообщении С. А. Сомов. Все это подтверждает правильность позиции Т. Д. Крупиной, что нельзя рассматривать кризисы верхов вне социально-экономического аспекта, в рамках одной только Государственной думы.

С возражениями против расширенного понимания кризиса верхов Крупиной, Сомовым, Гиндиным выступил А. Я. Аврех. По его мнению, кредо царизма заключалось в том, что допустимы любые реформы, кроме политических свобод. В этом вопросе позиция самодержавия была неизменной, тождественной в 1905 и в 1916 гг. Особо неприемлемой Аврех считает чисто экономическую интерпретацию Гиндина. Вызывают недоумение два вопроса. Во-первых, аграрная реформа в столыпинском варианте явно относится не к политическим свободам, а «к допустимым любым реформам». Почему же царизм приступил к проведению аграрной реформы лишь в 1906 г., а не когда настаивал Витте? Во-вторых, непонятно отнесение провала столыпинской аграрной политики к основным причинам кризиса верхов и непризнание аналогичной роли в банкротстве социально-экономической политики в целом¹⁵.

Большое место в работе секции заняла проблема социально-экономических предпосылок революции в национальных и других экономических районах страны (13 представленных тезисов сообщений, 12 выступлений)¹⁶.

По полноте постановки вопроса выделялось сообщение В. В. Адамова (Свердловск), который выдвинул на первое место в проблеме предпосылок вопрос о многоукладности. Главным сейчас стало исследование тех конкретных хозяйственных форм, которыми был представлен в экономике России каждый уклад. Для Урала особое значение имеет полукрепостнический уклад; Урал, в отличие от всей страны, был представлен не столько помещичьим и общинным землевладением, но прежде всего уральской промышленностью. Весь строй горнозаводского хозяйства Урала был крепостническим, тождественным строю полукрепостнических латифундий. Изучение конкретных хозяйственных форм позволит решить и другой вопрос: о переплетении крепостнических и новейших капиталистических отношений. Урал и в этом отношении представляет очень интересный объект. Акционирование уральских предприятий и связи их с банками привели к тому, что банки и другие предприятия чисто империалистического типа стали совладельцами крепостнических горнозаводских латифундий и феодальных прав горных заводов. Очевидно это относится и к приокской металлургии и Алтаю.

¹⁵ Ряд интересных сообщений за недостатком времени не был обсужден или не вызвал других выступлений (В. А. Вдовин. О реакционном «Обществе возрождения художественной Руси»; С. В. Тютюкин. О рабочей группе ЦВПК в канун Февральской революции; Ж. З. Фалкова. О страховом движении в Петрограде в марте — апреле 1917 г.).

¹⁶ При упоминании сообщений не прибывших на сессию историков ниже указывается на тезисы сообщений.

В работе Л. В. Ольховой, продолжал Адамов, показано, что в сельскохозяйственном машиностроении Урала и в горном промысле на надельных и казенных землях мелкое производство, если не опережало в своем росте крупное, то и не без успеха с ним конкурировало. Мы не знаем пока, как обстояло дело в других районах, и исходим из общего предположения, что крупное производство более выгодно при всех условиях и поэтому вытесняет мелкое. Изучить мелкое производство особенно важно в годы войны. Предполагается, что война укрепляла крупное производство и империализм. Но в работах В. И. Ленина есть и другая мысль: война разрушала новейший империализм, обнажая подпочву старого капитализма¹⁷.

В. Г. Четин (Челябинск) поддержал тезис о переплетении на Урале нового монополистического капитала с пережиточными монополиями, имея в виду старую феодальную монополию на землю и горнозаводское производство.

В. Г. Тюкавкин (Иркутск) соглашался с выдвинутой П. Г. Галузо общей проблемой российских колоний, с тем, что Сибирь в экономическом отношении тоже относилась к колониям. Но Галузо неясно разграничил колонизацию и колониальную систему, а отсюда возникают и расхождения с ним. Неверен тезис П. Г. Галузо, что сельское хозяйство Сибири в XX в. переживало глубокий кризис. Наоборот, оно было на подъеме. В Сибирь непрерывно в больших количествах прибывали переселенцы¹⁸.

Сходная оценка положения в сельском хозяйстве Дальнего Востока дана в тезисах сообщения И. П. Трофимова (Владивосток). Совсем иное положение, как показано в сообщении Г. П. Жидкова (Усть-Каменогорск), сложилось к Февралю на Алтае, в цитадели крепостнического землевладения «Кабинета его императорского величества». Свержение самодержавия дало мощный толчок стихийному крестьянскому движению, начавшемуся в марте — апреле 1917 г. и переросшему в неукротимую аграрную революцию.

Л. Н. Колосов (Грозный) показал, что у горцев Северного Кавказа главную роль в Февральской революции сыграл аграрный вопрос. В работах северо-кавказских историков ломка крестьянского землевладения сводится к переселению крестьян и развитию торгового земледелия и т. д. Но аграрная политика самодержавия при этом не рассматривается.

Б. А. Цуциев (Орджоникидзе) на примере Северной Осетии поставил задачу определить действительный уровень общественного развития горских народов, обусловивших их активное участие в обеих революциях 1917 г. Одним из коренных и сложных вопросов на Тереке был аграрный вопрос. На сравнительно небольшой территории существовали все формы собственности — казачье-общинная, сельско-общинная, частновладельческая, казенная, церковная, монастырская. Земли распределялись между классами и слоями местного населения исключительно неравномерно. Большие латифундии из лучших земель были сосредоточены в руках местных феодалов и казачьей верхушки. На долю казачьего населения Терской области в целом приходилось свыше 42% всей удобной земли. В Северной Осетии в казачьих станицах приходилось 5—6 дес. земли на душу, а у осетинского крестьянства — около 1 дес. в равнинных местах, у горского — до 0,3 десятины земли худшего качества. Острое малоземелье приводило к голодной кабальной аренде, к росту арендной платы и земельных цен. У кулаков и зажиточных крестьян наблюдался рост товарного земледелия (кукурузы) и овцеводства. У кулаков росло вложение средств в производство.

Капиталистические отношения уживались с докапиталистическими, образуя в горских обществах сложную классовую лестницу. Социально-экономические и политические противоречия осложнялись еще колониальным гнетом царизма и его колониальной политикой¹⁹. Борьба горских и других народов окраин против царизма и эксплуататорских классов слилась в единый мощный поток с борьбой русского народа и увенчалась под руководством большевистской партии полным успехом.

В зачитанном сообщении акад. АН АзССР А. С. Сумбат-заде «Социально-экономические предпосылки Февральской революции в Азербайджане» показан высокий уровень промышленного развития края. Отказываясь от обычного противопоставления

¹⁷ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 152.

¹⁸ См. В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск. 1966.

¹⁹ См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, 1954, стр. 561.

высокоиндустриального Баку (с Бакинским уездом) остальному Азербайджану, автор сообщения рассматривает Азербайджан как единое целое. За пределами Баку находились крупнейший комбинат медной промышленности с 3 тыс. рабочих, десятки других капиталистических предприятий, рыбная промышленность с 40 тыс. рабочих. Широко было распространено и мелкотоварное производство. Всеобщий характер получило торговое земледелие, садоводство, животноводство с сильной тенденцией перехода к капиталистической стадии. В результате в Азербайджане сложились основные классы нового общества — многонациональные с преобладанием азербайджанцев — промышленный пролетариат и промышленная буржуазия, что сильно отличало Азербайджан от соседних и восточных национальных районов.

Некоторое изменение претерпели и старые классы — феодалы и феодально-зависимые крестьяне. Первым и крупнейшим землевладельцем в Азербайджане было российское государство, затем уже шли ханы и беки. Незначительны были владения русских помещиков и чиновников. Как правило, все они не имели своего хозяйства и лишь собирали подати и повинности. В крестьянстве преобладали середняки из-за слабого в целом развития капитализма в сельском хозяйстве и значительной доходности в Закавказье небольшого земельного надела.

Обстоятельное сообщение А. С. Сумбат-заде оставляет все же неясным вопрос о пережиточных формах эксплуатации феодально-зависимого среднего крестьянина, о том, как влияли на его хозяйство «подати и повинности», а также эксплуатация его торговым капиталом. Недостает и характеристики торговли и торговой буржуазии, хотя бы тех общих данных, которые содержатся в статистике промыслового налога за 1912 г. (объем торговых оборотов, деление торговой буржуазии на крупную, среднюю и мелкую). Остается открытым и вопрос: представлял ли Азербайджан в его нынешних границах единый экономический район до 1917 г. В интересных сообщениях Л. И. Фурьянского (Оренбург) и Д. С. Бабичева (Ростов-на-Дону) о казачестве в Февральской революции и его социально-экономическом положении в канун ее проанализированы аграрные отношения в районах расселения казачьих войск.

В сообщении П. Г. Галузо (Алма-Ата) «О характере колониальной системы российского империализма» отмечалось разнообразие в методах угнетения национальностей. Вся Азиатская Россия (Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, Хива, Бухара, Закавказье) в экономическом смысле были колониями империалистической России, составляли колониальную систему российского империализма. Народы Финляндии, Прибалтики, Польши, Белоруссии, Украины — это угнетенные национальности. Эти районы сохранили свой экономический и культурный потенциал, не превратились в колонии. Поволжье, Предкавказье, Крым представляли собою переходное явление от угнетенных национальностей к колониям, являлись чем-то вроде полукolonий. У В. И. Ленина Азиатская Россия причисляется к колониям, вся Европейская Россия, несмотря на ее сложный национальный переплет, противопоставляется Азиатской России как метрополия, играющая в экономическом отношении именно такую роль.

Наличие колониальной системы у российского империализма и жестокой военно-феодальной и капиталистической эксплуатации колоний тормозило общественное развитие и колоний и метрополии — России. Разрушение колониальной системы являлось экономической необходимостью, разрешение национального вопроса в российской империи было одной из демократических задач революции, связанной с демократическим решением аграрного вопроса и вопроса о власти. Совокупностью экономических условий кануна Февральской революции диктовалась необходимость объединения демократических сил всех национальностей вокруг пролетариата.

Обстоятельного обсуждения выдвинутых П. Г. Галузо положений не получилось из-за отсутствия на секции представителей Закавказских и Среднеазиатских республик. Единственные тезисы К. У. Усенбаева (Фрунзе) о предпосылках буржуазно-демократической революции в Киргизии полностью соответствуют концепции Галузо, как и сообщение Б. А. Цуциева о горских народах Северного Кавказа. Наметились расхождения с П. Г. Галузо, в тезисах И. П. Трофимова, по Дальнему Востоку и в сообщении В. Г. Тюкавкина — по Восточной Сибири.

Ряд выступавших возразил Галузо по некоторым общим вопросам. Г. А. Арутюнов (Москва) считал, что недостаточно учитывается проводившаяся самодержавием политика «разделяй и властвуй», политический гнет по отношению к разным

народам находил многообразное выражение. А. М. Анфимов полагает, что понятие октябристского капитала нуждается в уточнении. Ю. Н. Нетесин выразил предположение, что русские финансовые магнаты эксплуатировали колонии старыми методами. И. Ф. Гиндин отмечал, что капиталистическая эксплуатация российских колоний достигла лишь уровня домонополистического капитализма (вывоз сырья из колоний, импорт промышленных товаров, неэквивалентный обмен). Империализм же характеризуется экспортом капиталов, учреждением типично колониальных предприятий и вложением капиталов в добычу горнорудного сырья. Все это оставалось до 1917 г. в зачаточном состоянии.

Отвечая своим оппонентам, П. Г. Галузо утверждал, что сибирские историки упускают вопрос о типе капитализма, который там быстро развивался. Индустриализация Сибири подвигалась крайне медленно, а интенсивный рост товарных отношений выражал развитие торгового и ростовщического капитала. Кулачество же развивалось в качестве агентуры этого капитала. Все это характеризует колониальное состояние Сибири. Оттенки в отношении царизма к отдельным национальностям, утверждал П. Г. Галузо, никогда не играли существенной роли. Поэтому в плане борьбы за самоопределение наций не было по В. И. Ленину различия между такими колониями как Туркестан, и угнетенными национальностями, как Царство Польское. Октябристский капитал — это посредник между мелким производителем-крестьянином и промышленным капиталом, шутальцы империалистических монополий, стремящихся расширить свою базу, распространить эксплуатацию на крестьянство вообще и на колониальное в особенности. Наконец, П. Г. Галузо согласился с тем, что экспорт капиталов в индустриальной форме был незначителен. Преобладание вывоза капиталов в торговоростовщической форме П. Г. Галузо объясняет тем, что в России был единый рынок труда и разница в заработной плате рабочих колоний и метрополии была ничтожна.

Заметим, что при едином рынке труда существовала значительная разница уровня заработной платы в самой «метрополии» (куда более низкая в Московском районе по сравнению с Петербургом, Прибалтикой, Царством Польским). Особенно низкой была оплата национальных рабочих в горнодобывающей промышленности и в Средней Азии и Предкавказье (Б. А. Цуциев). Постановка вопроса Г. А. Арутюновым дополняет концепцию П. Г. Галузо. Царизм по всей стране в целом и в национальных районах проводил особую политику угнетения и ущемления местных интересов, но смысл ее был шире, чем указывал Арутюнов (интересы русских помещиков, разжигание шовинизма и т. д.).

А. М. Анфимов справедливо усматривает положительный показатель сессии в том, что исследования идут вглубь и вширь. Однако они ведутся подчас с неправильных позиций. Совершенно очевидно, что буржуазно-демократическая, а затем и социалистическая революция не могли совершиться в данном районе отдельно от всей страны. Надо исследовать в комплексе предпосылки революции в России, а не в отдельных губерниях, т. е. одновременно в общероссийском масштабе и на местах, надо, идя снизу, изучать частные, но чрезвычайно важные вопросы. Нельзя, например, заниматься исследованием эволюции крестьянских хозяйств, не изучая условий реализации крестьянами своей товарной продукции, крестьянских бюджетов, развития и деятельности потребительской и кредитной кооперации и т. д.

Надо добавить, что обсуждение на сессии, несмотря на недостаточную их представительность, ряда сообщений о социально-экономических предпосылках революции в национальных и других районах, имеет большое научное значение. Впервые эта проблема была поднята значительным коллективом историков. Впервые на обсуждении проблем социально-экономического развития периода капитализма широко освещалась аграрная тематика. Это способствует комплексному пониманию экономики и классовой структуры отдельных национальных и крупных экономических районов, как Урал, Сибирь и др. Выявилась необходимость расширить фронт исследований, изучать сферы экономических и социальных отношений в торговле, лесной промышленности и др.

Доклад И. Н. Олегаиной (Ленинград) об освещении предпосылок Февральской революции в английской и американской буржуазной историографии, а также интересные сообщения в четвертой секции О. М. Величко (Оренбург) и В. И. Биллика (Ленинград) о западногерманской буржуазной историографии приводит к существенным для нашей историографии выводам.

Современная буржуазная историография США, Англии, ФРГ усиленно занимается последним 25-летием предоктябрьской истории нашей страны, использует широко старую русскую буржуазную литературу, внимательно следит за нашей советской литературой. К социально-экономическим предпосылкам революции современная буржуазная историография подходит с позиции единого индустриального общества. Эта концепция противопоставляется марксистско-ленинскому пониманию общественно-экономических формаций и нацело снимает классовые и политические различия между индустриализацией в условиях эксплуататорского общества и нашей социалистической индустриализацией. Тем самым она обходит и вопрос о преимуществах социализма перед капитализмом. Одни из современных буржуазных историков признают, что ни царизм, ни русская буржуазия (после Февральской революции) не были в состоянии вывести из экономической отсталости нашу страну, индустриализировать ее сумели только большевики, но «дорогой ценой», путем установления «диктатуры» или «автократии». Большинство же буржуазных историков пытаются доказывать, что в 1907—1914 гг. Россия эволюционировала по нормальному буржуазному пути, что царизм проявил способность обеспечить общие условия для капиталистического развития России. И лишь первая мировая война и ее тяжелые последствия породили Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию.

Усиленный интерес, проявляемый с 50-х годов буржуазной историографией к проблемам социально-экономического развития России, не случаен. Рассматривая Россию как «сильнейшую среди слаборазвитых стран великую державу, буржуазные историки пытаются извлечь «уроки» для современных независимых стран Азии и Африки. Буржуазные идеологи бьются над проблемой: нельзя ли было России избежать революции буржуазной, поскольку она послужила прологом социалистической.

* * *

ПОДВЕДЕМ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В своем тенденциозном изучении нашей истории буржуазная историография привлекает материалы, относящиеся к экономическому и социальному развитию, к политической эволюции, вторгается в области идеологии и культуры, с особой охотой она занимается вопросами, которые нами слабо изучаются.

Мы до сих пор в исследовательском и обобщающем плане слабо реагируем на этот поток враждебной и, во всяком случае, идейно чуждой нам литературы. В частности, мы с запозданием разоблачили концепцию Т. фон Лауэ, противопоставив свое понимание классовых основ и результатов проводившейся политики капиталистической индустриализации нашей страны. После первой революции буржуазное развитие «не получалось» в нашей стране не только в политическом аспекте и в аграрном строе, но и во всем социально-экономическом базисе. И это полностью выявилось в 1912—1914 гг. Мировая война лишь обострила все социально-экономические и политические противоречия, свела на нет возможности реформистской эволюции по пути капитализма.

Меньше всего, однако, позволительно обольщаться некоторыми достижениями, нельзя закрывать глаза на крайне недостаточное развитие социально-экономических исследований по сравнению с другой тематикой периода капитализма. Мы до последнего времени даже социально-экономические процессы изучали весьма односторонне, уделяя главное внимание аграрным отношениям и верхушечным процессам монополизации экономики, игнорируя необходимость изучения всего процесса социально-экономического развития в его комплексе, всей сложности и противоречивости экономической и социальной структуры нашей страны. Во-вторых, изучение базисных социально-экономических явлений мы вели в отрыве от эволюции политической надстройки, оказывавшей огромное влияние на социально-экономические явления.

Наша дооктябрьская история носит научно-актуальный характер в самом прямом смысле. Буржуазная историография использует фальсификацию нашей истории в борьбе за развитие стран третьего мира по капиталистическому пути. Мы же слабо используем наш исторический опыт в идеологической борьбе с империализмом за развивающиеся страны.

Чрезвычайно редко происходят встречи историков, изучающих социально-экономическое развитие дооктябрьского периода, с 1961 г. не было по этой проблеме научной

сессии, тогда как по аграрной истории научные сессии происходят ежегодно, а сборники статей выходят через 1—1,5 года.

Первая секция подчеркнула необходимость выполнить решение научной сессии 1964 г. о созыве в 1968 г. сессии, специально посвященной социально-экономическим проблемам нашей истории дооктябрьского периода; проводить региональные сессии по социально-экономической истории Урала, Средней Азии, Сибири и т. д.; организовать совместное обсуждение ряда проблем с учеными, исследующими историю российского феодализма.

Интерес к самой истории Февральской революции возродился совсем недавно и, как указывали руководители секций Г. М. Деренковский и Е. Н. Городецкий, можно уже отметить определенные успехи в изучении ее истории в Петербурге и Москве. Пробудился интерес к изучению процесса движения Февральской революции на местах, но многие существенные стороны этой темы еще не разработаны и в целом по стране она еще слабо освещена. Представленные на сессию сообщения нередко ограничиваются одним, хотя и существенным, но отдельным вопросом. Иногда это, как показывают представленные сообщения, в известной мере обосновано. Историк, изучающий в качестве сквозной темы аграрное движение или отдельный вопрос истории рабочего класса, намерен внести свой вклад и в изучение русских революций 1905 и 1917 гг. Еще имеет место необоснованное сужение тематики. Не изжито и подтягивание местных событий до общероссийского уровня. С выходом второго тома «Истории КПСС» ленинское положение о трех лагерях, определявших расстановку классовых сил и в первой и во второй буржуазно-демократической революции, прочно вошло в советскую историографию. Однако материалы второго тома по Февральской революции еще недостаточно отражены в работе сессии.

Необходимо перейти к комплексному и всестороннему изучению истории Февральской революции на местах, обратить внимание на конкретную расстановку классовых сил в данном районе и его центре, на деятельности Советов и других местных рабочих организаций, также правительственных органов и буржуазных организаций в данном районе и т. д. Очень важно все это поставить в связь с общим революционным процессом во всей стране.

Несомненно, что оживленные дискуссии на сессии положительно скажутся на разработке истории Февральской революции, привлекут внимание историков к повсеместному изучению движения масс, к изучению стремления каждой партии внести свои лозунги, свою идеологию в это движение. Изучение исторической деятельности большевистской партии в этом живом столкновении идей, политических линий поможет нам вывести закономерности ее победы.

Дискуссия о местных комитетах также указывает на необходимость конкретного и глубокого изучения расстановки классовых сил на местах и условий, в которых происходил там общероссийский процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В общей оценке современного этапа изучения истории Февральской революции следует отметить, с одной стороны, значительное накопление фактического материала, с другой — осознанную необходимость глубже осмыслить исходный этап революционного процесса 1917 г.

Почти во всех секциях были затронуты организационные вопросы. Единодушно высказывалось мнение, что 2 дня, отведенные на работу секций, крайне недостаточны. Указывалось и на перегруженность некоторых секций сообщениями по узким частным темам. Вызывало нарекание и переплетение тематики, как результат неправильного распределения сообщений по секциям. Но это не только организационный вопрос. Переплетение их тематики является показателем растущей тяги историков к комплексному исследованию экономики, классовой структуры, расстановки политических партий и т. д. Это выражает объективную тенденцию к освоению марксистско-ленинской методологии, и прежде всего комплексного изучения исторического процесса. Социально-экономическая тематика основательно представлена в упомянутом сообщении Т. И. Беликова и Г. Г. Макарова о революции в Якутии. В первой секции выступали участники историко-партийной секции М. Е. Соловьев и Я. Я. Кайминь, который в пятой секции выступал с сообщением «Классы, партии и советы в Латвии во время Февральской революции», а в первой секции — с незапланированным интересным сообщением о социально-экономических предпосылках революции в Латвии.

Первая и четвертая секции вынесли предложения о публикации источников, библиографии и подготовленных работ по социально-экономическим предпосылкам и по истории Февральской революции, а также о переиздании некоторых ценных работ 1920-х гг. по истории Февральской революции.

Научная сессия, посвященная 50-летию Февральской революции, ярко отразила современное состояние нашей исторической науки: растущее накопление фактических материалов, введение в оборот новых исторических источников, повышение теоретического и профессионального уровня ведущихся исследований, расширение их проблематики. В напряженной работе сессии и оживленных дискуссиях выявились достижения и отстающие участки в изучении второй революции. Тем самым были осознаны и определены задачи исследований истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок. В этой области, как и на всем историческом фронте, идет процесс более глубокого освоения ленинского наследия, преодоления узости тематики и выдвижение проблем общесторического значения, связывающих наше историческое прошлое с современным этапом идейной борьбы нового и старого мира.

